

Александрова-Осокина Ольга Николаевна

ПОЭТИКА СВЯЩЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: ОБРАЗ ИОРДАНА

Статья строится в русле важного направления современного литературоведения - изучение религиозно-духовных аспектов отечественной словесности и обращена к осмыслению проблем поэтики паломнического текста. На материале паломнической прозы первой половины XIX в. показано, что в творческой практике русских писателей всесторонне осваивалась такая категория христианской культуры как "священное пространство". Анализируя содержательный эпизод "паломничество на Иордан", автор статьи показывает, что в русской "светской" прозе был выработан комплекс художественно-поэтических средств, позволяющих воплотить важнейшие категории русской религиозно-духовной культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. III. С. 13-17. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-4; 82-43

Филологические науки

Статья строится в русле важного направления современного литературоведения – изучение религиозно-духовных аспектов отечественной словесности и обращена к осмыслению проблем поэтики паломнического текста. На материале паломнической прозы первой половины XIX в. показано, что в творческой практике русских писателей всесторонне осваивалась такая категория христианской культуры как «священное пространство». Анализируя содержательный эпизод «паломничество на Иордан», автор статьи показывает, что в русской «светской» прозе был выработан комплекс художественно-поэтических средств, позволяющих воплотить важнейшие категории русской религиозно-духовной культуры.

Ключевые слова и фразы: духовная проза; паломническое путешествие; поэтика, христианство и литература; романтизм; «священное пространство»; пейзаж; народность.

Александрова-Осокина Ольга Николаевна, д. филол. н., доцент
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
osokina-11@mail.ru

ПОЭТИКА СВЯЩЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.: ОБРАЗ ИОРДАНА©

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-64-01000.

Изучение паломнической прозы первой половины XIX в. не только позволяет проследить развитие данного жанра, но обогащает представления об историко-литературном процессе в целом. С начала 20-х гг. XIX в. закладываются принципы эстетики, определившие развитие отечественной литературы на протяжении не только XIX в., но и в последующие периоды: идет становление философско-эстетических принципов романтизма и реализма, формируется многообразие жанрово-стилевых форм русской прозы, разрабатывается понимание «народности», вырабатываются принципы повествования в духовно-философской словесности [4]. В первой половине XIX в. паломнические путешествия, представленные творчеством Д. В. Дашкова, А. Н. Муравьева, А. С. Норова и других русских писателей, находится не на периферии литературного процесса, но связана с его ведущими тенденциями, о чем свидетельствует внимание к ней русской критики (см.: [2]), особенно ценны отклики Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина (см.: [9; 14]). Сама тематика – паломничество, определена базовыми национальными духовно-религиозными ценностями и традициями; паломническая проза была чуть ли не единственным жанром в литературе Нового времени, сохраняющим связь с древнерусской словесностью.

Содержательное и художественное своеобразие паломнического путешествия обусловлено главной темой повествования – рассказом о встрече человека со священным пространством. «Есть места в мире, где особенно видна благодать Бога. <...> те места, где молился Господь, те места, где пролита Его кровь, где совершилась тайна Искушения, особенно святы, особенно овеяны вечностью, и, касаясь этих мест, паломники дотрагивались как бы до неба, освящались молитвами, некогда там звучавшими», – писал священник Сергей Сидоров [Цит. по: 16]. В русской религиозной культуре, где важна была не умозрительная, а практическая сторона: связь с годичным кругом церковных служб, посты, молитвы (см.: [10, с. 127-145]), паломничество давали возможность «живого» соприкосновения со святыней.

Одним из таких священных мест в палестинских путешествиях для паломников был всегда Иордан. Будучи связанным с событиями Библейской истории, прежде всего, с Богоявлением (Крещением Господним), этот образ был важнейшей вехой в Священной географии, церковном календаре; отражен в русской иконографии и гимнографии (см.: [7; 11]). О глубокой укорененности образа в русской культуре свидетельствует уже сам переход имени собственного в нарицательное (Иордан - иордань) и образование уже нового комплекса значений, связанных со словом «иордань» (см.: [18]). В народной поэзии образ «Ердань-реки» (Иордана) находит отражение в древних произведениях народного творчества, духовных стихах и былинах: «Почему Ердань-река рекам мати? Потому Ердань-река рекам мати, – Крестился в ней сам Иисус Христос (Голубиная Книга); «со своею дружиною хороброу» едет Василий Буслаев «Господу помолитися, Святой святыне приложитися, во Ердане-реке искупатися» (былины о Василии Буслаеве). Иордан входит в круг важнейших образов русской национальной концептосферы, оказывается связанным с историческим, религиозным, эстетическим ценностным опытом народа, с базовыми началами национальной духовной культуры.

Рассказы о паломничестве на Иордан в паломнических путешествиях выступают как многослойные в содержательном и эстетическом отношении элементы, отражающие «релистические» грани мировосприятия, так и религиозно-эстетические и мифопоэтические: непосредственные авторские впечатления, географические сведения, разного рода фактологические характеристики, историко-религиозные и символично-религиозные значения, народные поверья и предания и обрядовые традиции. Эти содержательные элементы можно отметить уже в «Хождении» игумена Даниила (XII в.), где в описании Иордана неразделимо переплетены географические и историко-библейские сведения (автор пишет о событиях Священной истории - Крещении, Иоанне Предтече, о Святом Иоакиме, о переходе Иордана евреями посуху, о Марии Египетской и т.д.), рядом с такой

информацией соседствуют личные авторские наблюдения (например, хрестоматийно известное сравнение Иордана и реки Сновь) (см.: [19]).

В паломнической литературе первой половины XIX в. можно выделить несколько художественных тенденций в описании Иордана: «реалистическую», «фольклорно-мифологическую», «научно-художественную», «церковно-дидактическую».

«Реалистическая» тенденция реализуется в детальном описании бытовых и обрядовых ситуаций и традиций, связанных с паломничеством на Иордан. Зарисовки этого типа находят отражение в творчестве всех авторов, но особенно интересны у писателей, близких народной среде (Кира Ивановича Бронникова, Ивана Вешнякова), записки которых сохранили для потомков многие детали быта паломников первой половины XIX в. Путешественники отмечают, что из соображений безопасности в Иордан обычно собирались большие партии паломников, которые шли в сопровождении охраны (Кир Бронников пишет, что в таком отряде собиралось до восьмисот человек). Колоритны картины паломничьего пути, который занимал более суток и обычно предполагал ночлег в пустыне. Так, Кир Бронников воссоздает в своем сочинении живописные сцены паломничьего пути: «В палатках ночевали мы на сем месте, от коего около трех часов надобно идти по ровному месту до реки Иордана <...> До утра в пятницу подняли всех весьма рано, и принудили ехать скорым шагом; ночь была претемная, и второпях теснили друг друга лошадьми. Хотя впереди, по сторонам и позади для освещения и несли зажженные факелы; но лошадь моя завезла меня в колючий кустарник, от чего изорвалось верхнее мое платье. К реке Иордану мы прибыли на рассвете и в воду погружались. Утром казалось для меня холодно опускаться в воду; но что делать? Жалко было не следовать благочестивому примеру других. <...> Придерживаясь за кусты, я в ней купался, зачерпнул воды, налил бутылку и со дна набрал камешков <...> Турки крайне торопили и беспрестанно кричали, чтобы все скорее из воды выходили; словом, не более одного часа дали купаться народу. После того всех нас погнали, как пленных, на Иерихонские поля к расставленным палаткам, где и прибыли до четырех часов» [5, с. 134]. Обилие реалистических деталей делает картину наглядной, динамичной.

В сочинении Ивана Вешнякова описание паломничества на Иордан соединяет реалистическое восприятие и фольклорно-мифологическое видение Святых мест как райского пространства (о райском пространстве см.: [1; 3; 20]). Побывать на Иордане поклонники считают «необходимым долгом», «ревностно» желают следовать «древнему путническому обычаю», ради этого «презирают все опасности, хотя бы угрожали они и смерти» [6, с. 132]. Мотив «смертельной угрозы», введение повествования в рамки эпического времени («древний обычай») делает паломничество на Иордан событием сакральной важности, духовной миссией, не выполнив которую паломники «принуждены будут с прискорбием возвратиться в отечество свое».

«Фактологические» детали путешествия (именно эти, а не другие предметы брал с собой автор, именно эти, а не другие действия совершал) обнаруживают свое символическое содержание, связанное со значением «священного события». Так, например, описывая снаряжение путников на Иордан, автор подчеркивает, что они надевают «новые башмаки», берут посохи, из еды берут хлеб (сухари) – эти предметы («обувь», «посох», «хлеб») связаны с комплексом значений «перехода», «священного пути», в этом качестве отражены в народной обрядовой практике и фольклоре. Обращает на себя внимание число «три»: еды берут «на три дня»; с собой берут три сосуда для священной иорданской воды («две бутылки и кожаную матару»); делается акцент на том, что путников «трое» («вышли трое с немалыми в руках палками»), хотя в действительности паломники идут в составе большой группы [Там же, с. 138].

Ландшафтные характеристики пути к Иордану также прочитываются в символическом ключе, как путь к потаенному, священному месту, здесь активизированы значения «горы», «ямы, провала», «трудности», «темноты», «сжигающего солнца», «жажды и воды жизни», «жизни и смерти». Путники идут «через высокие каменные горы <...> дорогою, около которой находятся страшные пропасти, поросшие колючим кустарником <...> палящий солнечный жар не допускает и траве расти, а выросшая <...> так высохла, что если наступить, обращается в пыль <...> деревья, <...> имеют столь острые в вершок длины иглы, что к ним и прикоснуться не можно без оцарапывания рук до крови» [Там же, с. 141]. Эти детали узнаваемы по русской устно-поэтической традиции как картины враждебной земли, которую нужно преодолеть, чтобы попасть в «райское место» – Иордан, долину которого автор называет «прелестнейшей» [Там же, с. 146]. В контексте всего повествования выстраивается антитеза «жизнь – смерть»: путники идут через «мертвое» пространство к реке жизни. Охранники каравана – арабы, всячески обижают паломников, так, что, по выражению автора, последние уподобляются «пленникам, а не поклонникам» [Там же, с. 138], и как апофеоз обид и притеснений – на обратном пути от Иордана охранники отнимают у паломников каравана столь вождеденную священную воду и выпивают [Там же, с. 142]. На фоне этих «земных» обид, паломникам тем не менее удается сохранять благоговейный настрой души: «приблизились мы к сей прославляемой Христианами реке по крещению в ней Спасителя <...> и с благоговением вошли в реку» [Там же], сохранить священную реликвию – воду, сосуды с которой «по наставлению людей, бывавших на Иордане, скрывали под платьем» [Там же]. Таким образом, «документальный» рассказ о походе паломников на Иордан приобретает черты поэтического повествования о приобретении «живой воды».

Синтез научно-художественного и религиозно-эстетического принципов в описании Иордана может быть проиллюстрирован на примере сочинения Авраама Сергеевича Норова, которое строится в традиции «ученых путешествий», однако, лиризм, библейские цитаты и реминисценции углубляют созданный автором образ, делают его эстетически значимым. В создании образа Иордана у Норова важным композиционным элементом являются пейзаж, воплощенный у автора в различных типологических разновидностях: «научный», «идиллический», «священный», «пейзаж-реконструкция». Научное, терминологически оснащенное описание соседствует с поэтическим.

«Разнообразные ивы и тростники, сплетенные вместе с олеандрами и опутанные свежим плющом, свисали с обоих берегов над быстро несущимися водами благословенного Иордана. <...> этот ландшафт радовал душу. Вокруг нас безмолвие обширной пустыни, ограниченной горами Иудеи и Аравии. Сидя под навесом густых ив и тамаринов и глядя то на ясное небо, то на бег Иордана, я читал первую главу Евангелия от святого Марка и подобную ей главу святого Иоанна» [13, с. 48]. За конкретикой визуальных впечатлений встает символическая картина неразрывной связи современности и вечности. Название растений (ивы, тростники, олеандры, плющ, тамарины) даны в простом перечислении, важны не их индивидуальные видовые черты, а родовые, они обозначают обилие разнообразной растительности вообще. Обилие растений, будучи объяснимым с естественнонаучной точки зрения (у воды всегда больше зелени), в контексте с образами «благословенного Иордана» исходит жизнь для всего земного. Новый смысловой ряд открывается и при включении в круг рассмотрения слов, обозначающих «переплетение», «плотность насаждения» растений: «опутали», «сплетенные», «свисали», «под навесом» – они создают картину природной силы, первозданной нетронутой природы, дающей защиту человеку. Образ «природы» вступает в символическую перекличку с образами, семантически связанными со значениями «неизменности жизни», «вечности» и «священности»: «благословенный Иордан», «горы Иудеи и Аравии», «быстро несущиеся воды», «безмолвие пустыни», «ясное небо». И все это дается в восприятии человека: это человек созерцает этот мир, фиксирует его во всех его проявлениях и в своем сознании соединяет все элементы в единое целое.

Ключевым образом данного фрагмента является Священная Книга – Евангелие, страницы которой автор открывает для себя одновременно с географическими «страницами» Святой Земли. В сознании человека книга становится продолжением священной местности, а местность – иллюстрацией священных страниц, и одно не существует без другого. И таким образом, «Иорданский пейзаж» прочитывается в контексте фундаментальных образов христианской культуры: «Библия – книга Жизни»; «Природа – книга Бытия». Завершается данный фрагмент важным, с точки зрения религиозно-символического видения, замечанием «я удостоился погрузиться в святые воды»: оно обозначает роль человека в его взаимодействиях со священным миром. Человек должен не только созерцать и познавать мир, не менее важно соблюдение ритуальной обрядовой культуры, нравственных правил, в которых выкристаллизовалось человеческое знание.

Примененный Норовым «пейзаж-реконструкция» (пейзаж, созданный воображением автора) соотносит современность с Библейской историей. «Арабы со всем оружием, пешие и на конях, смело переплывают Иордан. Дикие племена бедуинов спускаются с нагих хребтов каменной Аравии с стадами и табунами роскошествовать несколько дней на луговых и тенистых берегах Иордана. Нередко они находят в тростниках других гостей своей родины, львов и тигров, привлеченных туда жаждою и стадами, и тут возгорается кровавый бой; длинное ружье, копьё и кинжал никогда не оставляют этих моавитских пастырей. Пророк Иеремия живописно говорит о львах, тревожимых в кустах Иордана и его разливом (Иер. 49:19; Зах. 1:3)» [Там же, с. 49]. Поэтика созданной автором картины соотносима с эстетикой романтической прозы: узнаваем образ воинственных «детей природы», живущих в гармонии с природой, буйной и одновременно изобильной; поэтическая топика фрагмента («река», «кочевник», «битва со зверем», «дикие племена», «нагие хребты», «луговые и тенистые берега», «кровавый бой», «ружье», «копье», «кинжал») заставляет вспомнить произведения романтической литературы. Вместе с тем реминисценция из книги Порока Иеремии, а также перифраз «моавитские пастыри», которым писатель называет кочевых арабов, как потомков библейских моавитян, становятся поэтической перекличкой с Библией; расширяют временную и смысловую перспективы, заставляют увидеть всю картину в свете вечного библейского времени; меняют характер эстетического восприятия: теперь уже созданная воображением автора сцена становится не самоценной, а как бы иллюстрацией, созданной самой жизнью к библейским событиям. Автор рисует неизменный с библейских времен пейзаж, где Священная земля хранит Библейское прошлое, которое открывается паломнику не как «прошлое», но как «настоящее», неизменившееся за многие века.

Образ автора соединяет в себе две грани: «паломника» и «ученого». В «паломнических» эпизодах автор предстает не как ученый-интеллектуал, а как человек из простонародья, «простой» паломник: «Наступила Страстная неделя. В Иерусалиме с давнего времени первый день этой недели определен на путешествие к Иордану <...> Я последовал за несметною толпою христиан к священной реке» [Там же, с. 46]. Ощутимо сближение с простыми паломниками, автор не отделяет себя от народной стихии, единство с миром паломников, дает ему ощущение гармонии, целостности бытия и родства с людьми.

В очерке архиепископа Софонии (Стефана Васильевича Сокольского), «Поездка на Иордан» представлен «церковно-дидактический» тип описания: структура очерка определяется синтезом «реалистических» путевых зарисовок, нравственного богословия и дидактического проповеднического начала. В основе композиции очерка у отца Софонии лежит узнаваемый для жанра путешествия принцип – следования повествования за маршрутом; описываются географические вехи путешествия, путевые впечатления. Автор обозначает себя как паломника: «я не имею претензии ни на археолога, ни на топографа, я просто поклонник святых мест» [17, с. 567]. Путевые впечатления автора оказываются материалом для широких обобщений, памятное место рождает воспоминание о событиях Священной истории. Поэтическая традиция библейских книг проявляется в характере перифразов: так, река Иордан – «благодатная река, в коей омыты неправды грешного человечества» [Там же, с. 512]. В каждом фрагменте текста семантика слова, характер образности «стягиваются» к конкретному смысловому центру, сориентированному на евангельский или ветхозаветный сюжет и на Библейское слово.

Палестинское пространство создается картинами священной топографии. Хронотоп характеризуется неразрывным единством исторического, библейского и «современного» планов, которые в мировосприятии

автора существуют как бы в одном, реальном с ним, времени-пространстве. Библейский контекст расширяет смысловую перспективу очерка. Автор видит современных паломников (себя и своих спутников) в общей череде людей, жаждущих приобщиться к Божьему Слову и начало этому длинному ряду видит в Евангельских временах. Для него сущность паломничества заключается не просто в стремлении поклониться святым местам, а в духовной потребности услышать Божье Слово.

Рассказ о паломничестве на Иордан строится в форме дискуссии, как система риторических вопросов. Символично, что вопросов три, что символизирует идею Святой Троицы (это подчеркивается контекстом, в котором говорится о Троице). Вопросы строятся по принципу смысловой градации и отражают разные стороны состояния души человека, стремящейся к целостности. «Какой поклонник <...> не согласился перенести несколько лишений, неизбежных в пустыне <...>, чтобы взглянуть на ту пустыню Божию, которая первая увидела торжественное явление в мир Агнца Божия, имевшего взять на себя грехи мира? Тем паче, какой поклонник не решился бы выдержать двухдневный вар и зной, чтобы омыться и освятиться в благодатной реке, в коей смыты неправды грешного человечества? А что сказать о невыразимом утешении молитвенно поклониться в духе веры и благодарения – поклониться Святейшей Троице на месте самого явления Троицкого Поклонения?» [Там же]. Таким образом, стремление к Иордану, как важнейшей святыне христианского мира, понимается автором в свете ступеней восхождения души от созерцания к духовной работе: «взглянуть» – «омыться и освятиться» – «молитвенно поклониться». Это духовный труд «молитвенного поклонения» дает и «невыразимое утешение» человеку.

Поэтика данного фрагмента позволяет усмотреть все рассуждение о стремлении паломников к Иордану и как метафору человеческой жизни вообще, в которой необходимо перенести лишения и в результате духовной молитвы и покаяния получить утешение. Религиозная лексика (поклонник, пустыня Божия, торжественное явление, Агнец Божий, грехи мира, омыться и освятиться, благодатная река, неправды грешного человечества, дух веры и благодарения, поклониться Святейшей Троице) определяет и духовную насыщенность всего фрагмента, концентрирует внимание на главной цели человеческого существования, как ее понимает христианство – благодатное утешение и спасение в вере и молитве. Важной характеристикой является масштаб видения человека и его места в истории, определенный христианской антропологией: человек оказывается частью всего человечества, защищенного попечением Бога; и здесь же находит выражение и двойственное видение человека и всего человечества: с одной стороны это «грешное человечество», живущее «неправдами», а, с другой стороны, возвышенное и прощенное попечением «Агнца Божия, имевшего взять на себя грехи мира». Таким образом, рассказ о паломничестве к Иордану становится у автора метафорой для выражения главной христианской идеи – Воскресения: путь на Иордан – это путь очищения, покаяния и духовного воскресения человека.

В работах современных ученых, посвященных изучению «палестинского образа» в русской литературе и фольклоре (о палестинском тексте см.: [2; 12; 15]), отмечалось, что образ Священного пространства формируется при сложном переплетении литургических, историко-религиозных, обрядовых, богословских, народнопоэтических, религиозно-эстетических представлений. Для русского паломника образ Святой земли начинает формироваться еще до начала паломнического странствия: «в обрядово-молитвенно-созерцательном пространстве литургии и в <...> пространстве библейской словесности» [8, с. 11], паломники не «открывают» в Святых местах нового знания: они приобщены к нему изначально православной культурой. Это единство религиозно-духовного и эстетического мировосприятия обнаруживается в сочинениях писателей-паломников первой половины XIX в.: принадлежащие к различным культурным кругам (дворянская аристократия, ученые, провинциальное дворянство, монахи, священники), эти авторы сближаются в религиозно-эстетическом мировосприятии Священного пространства, что свидетельствует о внутреннем единстве национальной культурной жизни, о духовной преемственности. Осмысление содержательно-эстетического богатства символов (концептов), связанных с религиозно-духовной сферой, дает возможность для осмысления национальной картины мира; становится одним из средств сохранения культурного наследия.

Список литературы

1. **Аверинцев С. С.** Рай // Мифы народов мира: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 363-366.
2. **Александрова-Осокина О. Н.** Паломническое путешествие в русской литературе 1800-1860-х гг.: русский образ Святой Земли: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУ, 2014. 383 с.
3. **Александрова-Осокина О. Н.** «Райский» топос в паломническом тексте // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2 (14). С. 89-94.
4. **Александрова-Осокина О. Н.** Религиозно-духовные искания русской литературы в оценке критики (по материалам Журнала Министерства народного просвещения) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2011. Вып. 53. № 11 (226). С. 134-138.
5. **Бронников К. И.** Путешествие к Святым местам, находившимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. М., 1824.
6. **Вешняков И.** Путевые записки в святой град Иерусалим и в окрестности онаго Калужской губернии дворян Вешняковых и мядынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. М., 1813. 213 с.
7. **«Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троицкое явися поклонение...» (комментарий в аспекте культуры)** [Электронный ресурс] // Седмица. RU. URL: <http://www.sedmitza.ru/text/401367.html> (дата обращения: 24.09.2015).
8. **Генисаретский О. И.** Иерусалимская анатомия // Святая Земля в русском искусстве: каталог выставки. М., 2001. С. 5-15.
9. **Гоголь Н. В.** Путешествие к святым местам // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14-ти т. М.: Изд-во АН СССР; Л.: Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом), 1937-1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 200-201.
10. **Ермишин О. Т.** Философия религии: концепции религии в зарубежной и русской философии: учебное пособие. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. 224 с.

11. Липатова С. Н. Заметки по иконографии Крещения Господня в византийском и древнерусском искусстве [Электронный ресурс] // Православие. RU. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/415.htm> (дата обращения: 24.09.2015).
12. Моторин А. В. Образ Иерусалима в русском романтизме // Христианство и русская литература: сборник статей / ред В. А. Котельников. СПб., 1996. Сб. 2. С. 61-89.
13. Норов А. С. Путешествие по Святой Земле. М.: Индрик, 2008. 292 с.
14. Пушкин А. С. «Путешествие к св. местам» А. Н. Муравьева // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. Л.: Наука, 1977-1979. Т. 7. Критика и публицистика. 1978. С. 180-181.
15. Рождественская М. В. Образ Святой Земли в древнерусской литературе // Иерусалим в русской культуре / сост. А. Л. Баталов, А. М. Лидов. М., 1994. С. 8-14.
16. Серафим (Парамонов), иеромонах. О паломничестве и странничестве. М.: Изд-во АНО РДКиН, 2004. 48 с.
17. Софония, епископ Новомиргородский. Поездка на Иордан // Духовная беседа. 1864. Т. XX. № 15-17 (11 апреля). С. 511-521; 564-574; 591-600.
18. Толковый словарь В. Даля ON-LINE [Электронный ресурс]. Современное написание слов. Републикация выполнена на основе II издания (1880-1882 гг.). URL: <http://vidahl.ru/P071.HTM#11654> (дата обращения: 09.11.2015).
19. Хождение Даниила, русския земли игумена // Памятники литературы Древней Руси: сборник / ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачев. М.: Художественная литература, 1980. Т. 2. XII век. С. 25-114.
20. Чумакова Т. В. «Странник я на земле»: человек в поисках рая (по материалам древнерусской книжности) // Образ рая: от мифа к утопии: сборник статей / отв. ред. М. М. Шахнович. Сер. Symposium. СПб., 2003. Вып. 31. С. 55-60.

POETICS OF SACRED SPACE IN THE PILGRIM'S PROSE OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: THE IMAGE OF JORDAN

Aleksandrova-Osokina Olga Nikolaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Far Eastern State University of Humanities
osokina-11@mail.ru

The article is written within the important trend of the modern literary criticism – studying the religious and spiritual aspects of the domestic literature, the research focuses on the problems of poetics of a pilgrim's text. By the material of the pilgrim's prose of the first half of the XIX century the paper shows that the Russian writers thoroughly adopted in their creative practice such category of Christian culture as "sacred space". Analyzing the meaningful episode "pilgrimage to Jordan" the author argues that the Russian "secular" prose developed a set of artistic and poetical means allowing implementing the valuable categories of Russian religious and spiritual culture.

Key words and phrases: spiritual prose; pilgrimage; poetics; Christianity and literature; romanticism; "sacred space"; landscape; nationality.

УДК 070

Филологические науки

В статье анализируется эволюция темы социальной справедливости в текстах массовой коммуникации от времени протозурналистики до сегодняшних дней. Делается вывод, что эволюционные изменения претерпела не столько сама идея социальной справедливости как таковая, сколько ее контекст, со временем изменивший место данной идеи в общественном сознании, в современных СМИ.

Ключевые слова и фразы: социальная справедливость; протозурналистика; идеал справедливого общественного устройства; справедливость в мусульманском мировоззрении; справедливость в иудаизме; средства массовой коммуникации.

Ахатова Ильнара Эдуардовна

Газизов Рамис Рассыхович, к. филол. н.

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ahatova.ilnara@yandex.ru; gazizov-da@yandex.ru

ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТЕКСТАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ®

Тема социальной справедливости была и остается одной из значимых тем, обсуждаемых общественностью, поскольку является основополагающей при организации социальной жизни. При этом средства массовой коммуникации выступают одним из существенных факторов этой организации в наше время.

Представить эволюцию идеи социальной справедливости в публичном пространстве можно через рассмотрение эволюции текстов. В данном случае речь будет идти о текстах массовой коммуникации: публикациях в периодической печати и электронных СМИ. В фокусе нашего внимания – прежде всего форматы журналистики как деятельности, направленной на освещение общественно значимой проблематики. Начнем с текстов, которые предшествовали этим форматам. Теоретики журналистики называют их текстами пражурналистики или протозурналистики.

Согласно В. В. Ученовой, примерами пражурналистских текстов выступают рукописные книги, рескрипты, реляции, указы, надписи на камнях, дощечках, стелах и свитках, которые были доступны общественности [7].